

К.С. Пигров¹

ЕЩЕ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ²

Введение. Фундаментальная вертикаль

*«О, смертной мысли водомет,
О, водомет неистоцимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..»*

Ф.И. Тютчев

Осмысление социальной философии заставляет нас заново продумать вопрос о природе самого философствования.

Если символически выразить самую идею философии, то она предстанет в виде устремленной вверх *фундаментальной вертикали*. Так задается «вертикальное строение мира»³. Человек – это *существо принципиально интенциональное*. В нем постулируется устремленность от внутреннего, имманентного⁴ мира к трансцендентному⁵. Этими предельными вопросами⁶, – *предельными основаниями бытия и мышления*, – занята философия как любовь к мудрости⁷, «она есть наука о последних целях

---

¹ **Пигров Константин Семенович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета СПбГУ.

² Опубликовано в: *Личность. Культура. Общество*. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 57-68.

³ *Ясперс К.* Истоки истории, и ее цель // *Карл Ясперс.* Смысл и назначение истории. М., 1994. С.32.

⁴ Имманентное было глубоко осмыслено в имманентной философии. См.: *Schuppe W.* Die immanente Philosophie // *Zeitschrift für immanente Philosophie*. 1897. Bd.2, Н.1.

⁵ Трансцендентное в этом контексте мы понимаем в духе «философской веры» К. Ясперса. Как известно, предмет всякой веры не может быть идентифицирован. И с этой точки зрения философская вера подобна вере религиозной. Но в то же время если религиозная вера объединяет «единоверцев» и противопоставляет их сторонникам другого вероисповедания, то философская вера едина для всех разумных существ. Она состоит в убежденности, что существует непознаваемое. Трансценденция – это один из модусов объемлющего (Umfassende), это бытие за пределами мира, т.е. выходящее за пределы наших возможностей мышления и действия. Трансценденция – это «бытие, которое никогда не станет миром» (*Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 426). Трансценденцию, вслед за Ясперсом, можно бы назвать Богом, но мне представляется более уместным именовать ее Абсолютом.

⁶ «äußerste Fragen». Формулировка К. Ясперса.

⁷ «Мудрость же (σοφία) сложена из знания и ума. Ведь мудрость имеет дело и с первоначалами и с тем, что происходит из первоначал и на что направлено знание; поэтому в той мере, в какой мудрость имеет дело с первоначалами, она причастна уму, а в той, в

человеческого разума»⁸, она всегда имеет своим предметом всеобщее⁹, или Абсолют¹⁰. Экзистенциальной стороной порыва к всеобщему оказывается поиск человеческой индивидуальностью смысла жизни¹¹.

Каково место философии вообще среди других форм знания? Философия не самодостаточна. Гегель видел философию как завершение форм абсолютного духа, вырастающую на базе *искусства* и *религии откровения*, в единстве с ними. XX век, подводя итоги триумфальному взлету галилеевой науки, в это триединство («искусство – религия – философия») привнес еще и вычленившуюся в самостоятельное целое, по существу в отдельную субкультуру *положительную науку*, ядром которой является естествознание. Эта *тетрада* выглядит теперь так: «положительная наука – искусство – религия – философия».

Положительная наука, искусство, религия дополнительные, комплементарны философии. Четыре проявления духа обнаруживают различные стороны реальности. Речь, вопреки Гегелю, не идет о том, что философия «выше» всех других сфер духа, речь не идет об их линейной взаиморасположенности и иерархичности. Эта тетрада символизируется, скорее, окружностью, разбитой на квадранты¹². Можно начать с любого квадран-

какой она имеет дело с вещами доказуемыми, существующими вслед за первоначалами, она причастна знанию». *Аристотель*. Большая этика. 1197a24-29. // *Аристотель*. Соч. в 4-х т.т. Т.4. М., 1983. С. 334.

⁸ *Кант И.* Логика // Трактаты и письма. М., 1980. С. 331.

⁹ Философия вообще есть размышления о вещах *sub specie* «Всего» и размышления обо «Всем» *sub specie* какой-нибудь отдельной вещи. *Юшкевич П.* О сущности философии (к психологии философского мирозерцания). Одесса, 1921. С.13.

¹⁰ Проблема Абсолюта достаточно сложна. Б. Кроче справедливо заметил, что та же «вода» Фалеса, которая открывает в учебнике по философии серию метафизических сущностей, будь то восточный аналог или океанический миф, не хочет быть только божественной. Это понятие воды, хотя и вещь среди вещей, но все же порождающий экспликативный принцип. Но как бы ни хотелось толковать его как «порождающий», на самом деле, не будучи духовной категорией, он остается на перепутье, в возвратном движении к мифическому «отцу Океану». Гегелевская идея...не есть дух или форма духа, а именно сущность, принятая в ее трансцендентальной чистоте и в акте выхода природы из себя и возвратного пути человеческого духа. В этой своеобразной теофании есть постоянная опасность возврата к иудео-христианскому Богу». (*Кроче Б.* Логика философии. // *Бенедетто Кроче*. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 12). Абсолют и являет собой некоторую абстрактную переходную конструкцию, которая может обернуться как Богом, так и материей, бесконечной вселенной.

¹¹ «... философствование присуще человеку как таковому. Человек – единственное существо в мире, которому в его наличном бытии открывается бытие. Он не может выразить себя в наличном бытии как таковом, не может удовлетвориться наслаждением наличным бытием...Он действительно знает себя как человека только тогда, когда, будучи открыт для бытия в целом, живет внутри мира в присутствии трансценденции». *Ясперс К.* Философская вера // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 429.

¹² Б. Кроче сопоставляет метафору «шпиля» и метафору «окружности». Он полагает, что «если шпильобразная конфигурация представлена почти всей идеалистической и

та. Для художника последовательность развития духа выстраивается, например, так: «искусство – положительная наука – религия – философия»; ученый обычно начинает со своего призвания, также проходя, в конечном счете, все измерения духа: «положительная наука – искусство – религия – философия».

Философия нуждается во всех своих «духовных сестрах». Искусство учит философов культуре метафоры и культуре эмоционального постижения индивидуального, наука – культуре рациональности, религия – культуре веры. Для нашей ментальности, пережившей длительное внедрение материализма и атеизма, роль религии необходимо подчеркнуть особо. Прав был Б. Кроче, когда говорил, что «радикальное отрицание религии и мифических богов не пугало только популярных писателей, натуралистов и сенсуалистов, не подозревавших о тяжести нерешенных проблем относительно материи и спекулятивного мышления»¹³.

Социальная философия предполагает целостность, а следовательно, систематичность знания. Любят повторять, что время систем «прошло»¹⁴, и уж тем более постмодерн как метод постижения постсовременности лежит по ту сторону систем¹⁵. Однако при этом оставляют в тени тот факт, что неперемное условие самого существования знания есть система: «свертывание информации», т.е. превращение «информации» в «знание»¹⁶, в принципе немисливо вне процедуры систематизирования. Систематическое изложение по-прежнему жизненно необходимо, и его значение непреходяще для целей исследования и преподавания.

Социальная философия – это и «культура», и «дисциплина» в кантовском смысле¹⁷. В качестве культуры социальная философия представ-

теологической философией, то циркулярная – достаточно причудливой рекурсивной теорией Вико. Философия «круговоротов» основывалась не на поверхностной классификации социологов, а на глубоком исследовании форм духа, что позволяло избегать преувеличений и упрощений. ...Сама логика круга предполагает, что каждая форма в любой момент времени имеет внутри себя всю работу духа, поэтому его новая работа – более богатая работа, то есть прогресс». Кроче Б. Логика философии. // Кроче Бенедетто. Антология сочинений по философии. История, экономика, право, этика, поэзия. СПб., 1999. С. 60. См. также: Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. СПб., 2000.

¹³ Кроче Б. Логика философии. // Бенедетто Кроче. Антология сочинений по философии. Историка, экономика, право, этика, поэзия. СПб., 1999 С. 17.

¹⁴ См. напр.: Н.А. Бердяев, Г.-Г. Гадамер, М. Фуко и др. Сегодня: *Wüstehube A. Ist systematisches Philosophieren heute möglich? Zu Nickolas Reschers «A System of Pragmatic Idealis»* // Information Philosophie, Hamburg, 42. Jahrgang (1995), Heft 4.

¹⁵ См., напр.: Капустин Б.Г. Посткоммунизм как постсовременность. Российский вариант // Политические исследования. 2001. №5.

¹⁶ См.: Кобозев Н.И. Исследования в области процессов термодинамики информации и мышления. М., 1971.

¹⁷ См.: Кант И. Соч., т.3. С. 548.

ляет собой систему некоторых интеллектуальных и – шире – духовных навыков, которые, не устраняя всего существующего, дают эвристики познания мира. В качестве *дисциплины* социальная философия ограничивает постоянную склонность к отступлению от правил строгого социально-философского мышления. Речь, в конечном счете, идет по существу о *дисциплине сознания*, о преодолении стихийного дрейфа по волнам социально-политических, популистских или элитаристских страстей и предубеждений, столь характерных для нашего времени, когда на Россию так «внезапно» обрушилась свобода совести и свобода слова.

Социальная философия как философская дисциплина «состоит» из понятий. Она, стало быть, во-первых, дело *семантики*; мы должны прояснить смысл отдельных понятий. Но, кроме того, во-вторых, нам необходимо выявить и основные отношения между понятиями, необходимо постичь их единство, т.е. в известном смысле эксплицировать *синтаксис* данной философской науки. Наконец, в-третьих, следует осмыслить систему *прагматики*, т.е. установить связь выстроенных таким образом семантико-синтаксических структур с так или иначе понимаемой реальностью. В единстве этих трех моментов имеет смысл говорить о специфическом социально-философском *дискурсе*.

Глава 1. Контекст социальной философии

Die Aufgabe der Philosophie ist, das erlösende Wort zu finden.

Ludwig Wittgenstein¹⁸

Контекст философского знания

В связи с выяснением специфики именно социальной философии возникает вопрос о *внутренней дифференциации* философского знания. Она определяется, по крайней мере, двумя основаниями.

Первое основание коренится непосредственно в самом *предмете* философии. И. Кант в предисловии к «Основоположению к метафизике нравственности» вслед за античной традицией¹⁹, а именно, Зеноном из Кития и Эпикуром, полагал, что структура философии принципиально троична. В нее входит *логика, физика и этика*. Логика формулирует законы правильного мышления, она представляет собой его канон. Приложение разума к *области необходимости* и познание законов природы дают физику. Приложение разума к *области свободы* дает этику. Физика и этика являются философскими науками в своей рациональной части, поэтому, по

¹⁸ «Задача философии состоит в том, чтобы найти «решающее» слово». (Л. Витгенштейн).

¹⁹ Не видя, таким образом, какой-то особой специфики новоевропейской философской науки.

Канту, их следует называть соответственно *метафизикой природы* и *метафизикой нравственности*²⁰, С такой точки зрения социальная философия является модификацией метафизики нравственности, поскольку она есть *приложение разума к области свободы*.

Второе основание дифференциации философских наук демонстрирует значение самого *сообщества* исследователей. Специфический социум, выступающий как сообщество профессионалов-философов, предстает как *посредник* между имманентным и трансцендентным. Внутреннее членение философии задается многообразием того профессионального сообщества, которое занято философским познанием.

Социальная определенность философской специализации существенным образом воздействует на содержательную ее определенность. Соответственно, самоидентификация в философском сообществе не только испытывает влияние содержательной дифференциации по предмету, но и сама оказывает обратное воздействие на эту дифференциацию. Если уж возник, так или иначе, социальный институт той или другой научной дисциплины, если появились специалисты, *профессионалы* – люди, идентифицировавшие себя с ней, то ее теоретическая специфика, определенность предмета исследования неминуемо возникнет. Даже если, абстрактно говоря, ее придется выдумать. Различие в содержательной области, в предмете и методе существенным образом зависит от того, в каких социальных формах это духовное содержание укоренено.

С этой точки зрения, перефразировав иронический афоризм Д. Бернала, можно сказать, что *социальная философия – это та дисциплина, которой занимаются социальные философы*. Скажем, существует такая форма организации как кафедра в рамках философского факультета. Пусть это будет кафедра социальной философии. Члены этой кафедры идентифицируются со своим предметом («мы – социальные философы», «мы занимаемся»²¹ социальной философией»). В этом качестве они соседствуют и противостоят другим специалистам, которые «занимаются», скажем, онтологией, или – философскими проблемами естествознания. В среде этих специалистов, таким образом *самоидентифицирующихся и идентифицируемых* (другими) с предметом своего познания, осуществляется *социализация*. Предмет занятий выступает как *рационализация* идентичности, как *социальная символизация* личности специалиста.

Синтезируя вычленение предмета социальной философии по этим двум основаниям, мы получаем следующую схему. Социальная философия, как и остальные философские науки, возникает под воздействием ноевропейской ментальности, которая хотя и признает возможность си-

²⁰ См.: Этика / Под общ. ред. А.А. Гусейнова и Е.Л. Дубко. М., 1999. С. 10.

²¹ Слово «заниматься» означает некоторую длительную сосредоточенность на предмете, которая и есть субъективное выражение и переживание специализации.

стемы наук, но полагает эту систему не статичной, раз и навсегда данной, скажем, в разделении на логику, физику и этику, а *развивающейся*. Возможно ли ограничивать предмет философии в этом столь многообразном развивающемся мире только тремя частями, которые выделял Кант?

В *каждом* правильно понятом моменте содержится целое. Имея один предмет – *всеобщее*, различные философские дисциплины идут к постижению его своими собственными путями. Так, гносеология постигает всеобщее через исследование процесса познания, поиска истины и осмысления заблуждения. Этика выявляет предельные основания бытия через исследование категорий добра и зла, эстетика – через осмысление категорий прекрасного и безобразного, и так далее.

Знание о методах познания (эпистемология) отличается от знания о должном (этика), а она в свою очередь отличается от метафизического знания об обществе как таковом, о его различных общностях, об отношениях личности и общности (социальная философия) и т.д.

С этой точки зрения для социальной философии необходимая связь имманентного и трансцендентного осуществляется *через социум*.

Социальная философия имеет своей целью постижение *всеобщего* через изучение *социума*. Устремленность социальной философии связана с этим общим *порывом вверх*, к постижению предельных оснований. Сквозь полупрозрачную сферу социума, через такой своеобразный «магический кристалл», нам становится видным трансцендентное, незаметное простому взгляду. Через общество человек, собственно, и становится человеком. Философский смысл общества обнаруживается в том, что оно открывает индивиду *всеобщее*.

В нашей книге речь идет о социальной философии как о *философской науке*. Если философия в самых разных цивилизациях (античной, индийской, китайской и т.д.) возникла и конституировалась в «осевое время», то философская наука появляется только в рамках одной из многих цивилизаций, новоевропейской. Мы должны прояснить некоторые моменты, касающиеся бытийствования отдельной философской науки в рамках этой цивилизации.

Философия вообще как универсальная форма бытия духа в цивилизованном обществе, с одной стороны, и *философская наука* как специфическая форма бытийствования философии в новоевропейской цивилизации, с другой, соответственно опираются на различные уровни коммуникации. Философия стоит *на письме*, а философская наука базируется на печати, *на печатном слове*. Если Сенека пишет «нравственные письма» именно к Луцилию, а Лукреций Кар обращает свое известное произведение к *вполне определенному ученику*, то Кант в «Критике практического разума» обращается к *любому разумному существу*. Если творчество античных философов – это обнаружение еще *философии*, т.е. синкретической любви к мудрости, то, скажем, Кант – само воплощение новоевропейской

философской науки. Античная философия предполагает некоторое *личностное* (или «*межличностное*») отношение между учителем и учениками, новоевропейская философия представляет уже по преимуществу *публичное, социальное* отношение между профессором и университетской аудиторией²². Печать как господствующий способ коммуникации определяет *массовость* не только общества вообще, но и самого философского сообщества, новоевропейскую *демократическую установку*.

В нашей цивилизации, хотя она и находится в постоянном «соблазне» позитивистского отказа от философии, философской науке придается существенное конституирующее значение. Предполагается, что само поощрение развития философии способствует демократизации общества через просвещенческие парадигмы²³. Глухой амбивалентный скепсис народа по отношению к философии, сопровождающий ее всю ее историю²⁴, сохранился и в Новое время, рационализировался в позитивизме и сциентизме, но теперь философская наука в той или иной форме, по крайней мере в высшей школе, *обязательна* к изучению для каждого так же, как обязательна грамотность в новоевропейском обществе.

Философская наука в качестве именно *науки* разворачивается по типу коммуникации, характерному для новоевропейского галилеевого естествознания. Для нее обязателен диалог печатного *учебника*, созданного на основе наиболее значимых работ, признанных *классическими*, и печатного *журнала*, где публикуются новации, новейшие изыскания, которые, может быть, также войдут в «золотой фонд» научной дисциплины, и со временем станут классическими.

Философская наука новоевропейской цивилизации усваивает от галилеевого естествознания, кроме печатной формы выражения, и еще одну существенную особенность. Это тенденция к *специализации*. Поэтому, собственно, философская наука и распадается на отдельные философские дисциплины, о чем шла речь выше.

В складывающейся *дисциплинаризации* каждая из философских дисциплин связана с соответствующей областью положительного частнонаучного знания. Становление социальной философии наряду с возникновени-

---

²² Что не исключает, конечно, сохранения и традиционных личностных отношений между учителем и учениками, но уже не как главных, не как ведущих.

²³ Скажем, в 1995 г. специальный симпозиум ЮНЕСКО был посвящен философии в связи с демократией. Симпозиум ЮНЕСКО «Философия и демократия в мире». Заключение международного симпозиума. Парижская декларация по философии. // Вопросы философии. 1995. №8, С. 187-190.

²⁴ Напомним историю о Фалесе, который, засмотревшись на звезды, упал в яму, за что был осмеян. Ее вспоминает Гегель в своей истории философии, на нее же намекает Х. Арендт в своей статье, посвященной 80-летию Хайдеггера. *Х. Арендт. Хайдеггеру – восемьдесят лет* // Вопросы философии. 1998. №1. Также примечания переводчика К.В. Бандуровского.

ем отдельных онтологий, эпистемологии, этики, эстетики, логики и т.д. и является результатом такого рода процессов.

Дифференциация новоевропейской философии – это стихия, и одним из существенных условий функционирования и развития философской науки в целом является дополнительная к расчленению *способность к кооперации* между отдельными дисциплинами. Это условие выполнить сложно, поскольку каждая дисциплина имеет «империалистическую» тенденцию «тянуть одеяло на себя», ставить свою науку в центр всей философии. Поэтому дисциплинаризация новоевропейской философии имеет также и тот смысл, что она призывает отдельные науки к сознательному самоограничению своих экспансионистских устремлений, к рациональной кооперации между собой.

Роль различных философских дисциплин не одинакова. Известно, например, какое царское место заняла в системе философского знания после Канта эпистемология. В эпоху идеологического господства марксизма, в советский период выделялась в качестве особо значимой роль социальной философии марксизма как исторического материализма²⁵. Однако теперь, когда эпоха идеологического господства марксизма в нашей стране отошла в прошлое, роль социальной философии уменьшилась. Нельзя не видеть, что в конъюнктурном отношении, в плане *научно-философской моды*²⁶, социальная философия оказывается в глубокой тени, которую отбрасывает бурно разрастающаяся не только в практическом, но и в теоретическом отношении социология. Очевидно, что царственный путь истмата (во всяком случае, в обыденном сознании) имеет тенденцию превратиться в не столь уж заметную, хотя и вполне достойную тропинку «философских проблем социологии».

В современном российском обществе налицо определенная *идиосинкразия* к социальной философии. По форме эта идиосинкразия напоминает уже упомянутую вековечную неприязнь обыденного сознания ко *всякой* философии и базируется в значительной мере на том, что социальная философия вообще, а исторический материализм в особенности будто бы «повинны» в русском социализме и, более того, вообще в наступлении эпохи массы в глобальном масштабе. Хотя проблематично, в какой мере социализм, и особенно русский, был «любим» подлинной социальной философией, но, во всяком случае, несомненно, что социальная философия была особо «любима» социалистическими движениями. Ф. Ницше в «Во-

---

²⁵ Это определялось основными марксистскими установками. В самом деле, если общественное бытие определяет общественное сознание, то именно через социальную обусловленность, изучаемую диалектико-материалистической социальной философией, могут быть объяснены, в конечном счете, *все* важнейшие феномены бытия и мышления.

²⁶ По поводу существования философской моды бессмысленно морализировать. См.: Кемеров В.Е. О философской моде в России // Вопросы философии. 2000. №11. С. 3-11.

ле к власти», так же как и Х. Ортега-и-Гассет, бичуя массу и массовое общество, пытались одновременно поставить социальную философию на заслуженное ею место.

Впрочем, если можно вообще говорить о «вине» какой-либо науки перед обществом, то в гораздо большей степени «повинна» в эпохе массы не социальная философия, а социология. Вряд ли современная социальная философия может принять тот упрек относительно апологии идеи массы, который ей сегодня адресуют. Она не апологетизирует, но *рефлектирует* ситуацию массы, она как раз пытается *противостоять* апологетике массы и дистанцируется от такого рода оценок. В конце концов, если взять смысложизненный аспект, всегда имплицитно присутствующий во всяком философском учении, то *социальная философия учит, как достойно жить в массовом новоевропейском обществе и быть свободным от него и через него.*

Будем исходить из постулата априорного равенства различных дисциплин, как, с одной стороны, философских дисциплин между собой, так и философских и положительных наук, с другой. Социальная философия, этот феномен, рожденный новоевропейской цивилизацией, априорно «не выше», «не значительнее» этики, эстетики, философии культуры или любой другой философской дисциплины. Социальная философия не выше и не ниже своей комплементарной положительной науки – социологии.

Предмет социальной философии носит двоякий характер:

1) Сам *социум* изучается с точки зрения его смысла, т.е. социум включается в контекст мирового целого как некоторая органическая его часть;

2) Осмысляется само *социоморфное видение* всеобщего как один из фундаментальных типов видения мира в целом.

Можно сказать, с этой точки зрения, что, во-первых, к постижению самого социума применяются общеполитические методологические процедуры, и, во-вторых, что социальное – это даже не предмет, а один из фундаментальных *методов* постижения смысла всеобщего, с помощью которого оно раскрывается²⁷.

---

²⁷ См., напр.: *Wade Hands D. Blurred boundaries: Recent changes in the relationship between economics and the philosophy of natural science // Studies in the history and philosophy of science. L. 1995. Vol. 25. N5.* В такой форме мы здесь и в дальнейшем даем указание на реферативный журнал Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН, Москва) и на автора помещенного там реферата. Здесь показано, в частности, как философия науки стала использовать некоторые аргументы из социальных наук, из экономики. Базисное положение критического рационализма о том, что знание развивается и возрастает благодаря критицизму, базируется на социоморфных моделях. Конкурентный рынок – это метафора критической окружающей среды, необходимой для роста знания. (Бартли, Радницкий).

Социальная философия высвечивает и фиксирует тот факт, что все формы бытия духа суть результат коммуникации. Только в коммуникации рождаются смыслы. Формы бытия духа зависят от того, каковы сообщества людей, включенных в духовную жизнь²⁸. Пафос социальной философии в том, что хотя всеобщее «концентрируется» в самосознании человека, в его субъективности, но постижение предельных оснований бытия и мышления не дано отдельному человеку, но дано организованному единству отдельных индивидуальностей, дано, в конечном счете, всему социуму. В этом плане любое знание вообще и социальное знание в особенности подобно языку. Постигание всеобщего возникает в коммуникации с Другим. Субъект появляется на основании ответа Другого (Ж. Лакан), в Другом моя свобода *разверзается*.

Именно по причине своей нацеленности на выяснение предельных оснований бытия социальная философия занимается не только собственно *социальными, но и межличностными проблемами*²⁹. Межличностное служит моделью для осмысления социального и наоборот, социальное выступает как модель для осмысления межличностного. В частности, социальные философы себя (свою психологию, свои межличностные отношения) проецируют на общество, на общественные отношения. В дисциплинарном плане социальная психология проецируется на экран социологии.

Отношения «Я – Другой» в рамках межличностных отношений управляются и подчиняются *доброй воле*, они, несомненно, способны к культивированию. Так, по крайней мере, представляется здравому рассудку. Но социальные отношения, в очевидной противоположности к межличностным, включают некоторые «потусторонние», «запредельные» *стихии*, которые, как это ясно и обыденному здравому смыслу, совершенно не подвластны доброй воле и культуре, а, напротив, формируют само содержание и формы существования этой доброй воли и определяют движение самой культуры.

Конечно, ясно, что и в межличностных отношениях налицо стихийные силы, которые выходят за пределы доброй воли. Эти силы и стихии, как в сфере социального, так и в сфере межличностного, могут и должны *культивироваться*. Добрая воля, таким образом, постоянно пытается взять у них реванш. Социальная философия в этом смысле своей рефлексией

---

²⁸ Исследование проблемы специфики социальной философии см. напр.: *Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt am Mein., 1992.* Здесь Ю. Хабермас обсуждает «разделение труда» между философскими и эмпирическими исследованиями на примере генетической эпистемологии Жана Пиаже. Русскоязычные исследования см. напр.: *Еременко А.М. Коммуникативные механизмы философского познания. Киев, 1991.; Огнев А.Н. Философия как форма коммуникации. Самара, 1995.*

²⁹ См. напр.: *Монсон П. Современная западная социология. Теории. Традиции. Перспективы. СПб., 1992. С. 9.*

культивирует социальное³⁰, участвует в «усмирении» социальных стихий, в попытке подчинить их доброй воле. Таким образом, предмет социальной философии предстает как *единство социальных стихий и попыток их культивировать с помощью разумной доброй воли*³¹.

Следует отметить, что мы говорим всего лишь о *программе* социальной философии, еще не полностью выполненной и, тем более, далеко не завершенной. Имея тысячелетнюю историю, социальная философия, в известном смысле, находится только в начале своего собственного пути. Изучая социум, рационально и систематически исследуя социоморфные метафоры, которыми насыщена как обыденная речь, здравый рассудок, так и теоретическое знание в самых разных областях, мы еще многое можем и должны узнать как о смысле общества, так и о смысле бытия вообще, о мире в целом, о человеке, о смысле познания и т.д.

---

³⁰ Скажем, исследование коммуникативной культуры.

³¹ В школьном историческом материализме именно это отношение представлялось как отношение общественного бытия и общественного сознания.